

потому, что объектом изучения стала сама структура управлений во фразе.

При изучении языка сталкиваются два противоположных фактора: свобода в выборе словоупотреблений и приписывании словам новых значений и системность языковых структур. Пока мы остаемся на уровне наблюдения (на фенотипическом уровне), нам бросается в глаза прежде всего произвол, многообразие единичных фактов. Когда мы переходим к углубленным языковым структурам, на уровень конструкторов (генотипический уровень), мы обнаруживаем стройную системность языка, позволяющую делать общие и точные утверждения.

Полезно подчеркнуть, что факт получает научный смысл только в рамках той или иной научной теории, т. е. при переходе к генотипическому уровню³.

Взаимодействие системности и свободы приводит к четким статистическим закономерностям в наблюдаемом языковом материале.

Так, например, язык способен ввиду каких-то конкретных исторических условий включить в свой словарный запас то или иное новое (заимствованное и образованное в языке) слово, а также вывести из своего словаря те или иные архаические словоупотребления. Но ввиду системности языка изменение словаря в целом статистически подчиняется определенным законам, которым может быть придана вполне точная формулировка. Оказывается⁴, что вероятность того, что некоторое слово живет в языке t лет пропорционально величине $\exp(-t\sqrt{n})$, где n — ранг этого слова в частотном словаре языка. Эта статистическая закономерность связывает диахронический план языка (время появления слова в языке) с синхронией — современным частотным распределением слов в словаре. Разумеется, эта закономерность ничего не говорит о судьбе любого отдельного слова, но она характеризует систему языка в целом.

Сказанного выше достаточно, чтобы показать целесообразность стремления к увеличению точности лингвистических описаний, не пренебрегая математическим аппаратом там, где он эффективен. Проблема точности тесно связана с проблемой формализации описания. Любая формализация связана с каким-то упрощением проблемы ради точности и строгости описания. Но ведь любое научное описание как-то вынуждено ограничить проблему, выделить в ней существенную часть. Любая попытка научно описать явление во всей его сложности приводит к аморфности и бессодержательности. Надо только не забывать об ограничениях, лежащих в основе данной научной теории.

Мы почти согласны с Р. А. Будаговым, когда он говорит: «Попытки отождествить человека и машину стали часто совершаться не путем моделирования свойств, присущих человеку, а путем приписывания человеку ограничений, неизбежно свойственных машине».

Мы полагаем только, что никакие попытки отождествить человека и машину не заслуживают одобрения. (Из цитируемой фразы Будагова можно вынести впечатление, что некоторые пути такого отождествления он одобряет.) Хорошая формализация не есть отождествление человека и машины.

Но всякая модель получается путем введения той или иной формализации.

Сравним два определения слова, которые приводит Р. А. Будагов чтобы доказать вред от формализации.

1. «Слово есть любая цепочка букв, которой предшествует и за которой следует пробел или знак препинания».

³ Подробнее см. Шаумян С. К. Структурная лингвистика. М., 1965; Шрейдер Ю. А. Язык как инструмент и объект изучения науки. — «Природа», 1972, № 6.

⁴ Арапов М. В., Херц М. М. Модель глоттохронологии. — В сб.: Информационные вопросы семиотики, математической лингвистики и автоматического перевода. М., 1972, вып. 3.